

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ярных В.С. Владения Геральда Орильякского: к вопросу о сети элитарных пространств в каролингской Оверни (сер. IX–сер. X вв.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.4.70724 EDN: MSXFBF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70724

Владения Геральда Орильякского: к вопросу о сети элитарных пространств в каролингской Оверни (сер. IX–сер. X вв.)

Ярных Вера Серафимовна

ORCID: 0000-0003-0347-4474

старший преподаватель; кафедра теории и истории декоративного искусства и дизайна; Российский государственный Художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова

125080, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 9

✉ vera_yarnykh@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.4.70724

EDN:

MSXFBF

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2024

Дата публикации:

09-06-2024

Аннотация: Рассматриваются территории, подвластные святому-мирянину Геральду Орильякскому (ум. 909) как представителю южногалльской позднекаролингской аристократии в контексте эволюции раннесредневековых элитарных пространств. На основе детальных материалов жития святого, составленного Одоном Ключийским спустя два десятилетия после его смерти (т.н. Vita Prolixior Prima), с привлечением документальных и археологических материалов, поднимаются вопросы функций и топографии укрепленных позднекаролингских аристократических резиденций, структуры и эволюции пространства их непосредственной окрестности, а также сети влияния и сакральной географии на территориях в частной и публично-правовой власти местных элит. Элитарное пространство владений Геральда реконструируется с учетом как интенций

агиографа и отражения его авторской позиции в выделении центра и периферии, так и символических факторов престижа и местного благочестия в рамках заявленных границ. Результаты изучения нарративных и документальных памятников сопоставляются с результатами археологических и лингвистических изысканий последних десятилетий с использованием социально-антропологической методологии исследования элит и элитарных пространств. На примере замка графа Геральда в Орильяке и основанного им монастыря, ареал расположения которых в 2013-2014 гг. стал предметом новых археологических изысканий, а также его локализованных владений и частных капелл, поднимается вопрос об аристократической резиденции и связанной с ней сети поселений, культовых построек и обрабатываемых угодий как «элитарном локусе» и ареале его влияния в каролингской Оверни сер. IX–сер. X вв. и в соседних пагах. При этом отдельное внимание уделяется тем подробностям сакральной топографии владений графа Геральда в житии, которые связаны с концепцией святости у Одона и его перетолкованием местной традиции о святом. В результате, *Vita Prolixior Prima* совмещает две элитарные перспективы в восприятии пространства: светской аристократии (графа Геральда) и монашеской Реформы (аббата Одона), их переплетение можно особенно наглядно наблюдать в сакральной географии текста.

Ключевые слова:

раннесредневековая аристократия, раннесредневековая Овернь, агиография, Геральд Орильякский, Одон Ключийский, раннесредневековые элиты, археология, Керси, Каролингская эпоха, элитарные пространства

Одним из аспектов истории раннесредневековой аристократии, которые получили развитие в последние десятилетия, является т.н. топография элитарных пространств. Как особый антропологический ракурс потестарной географии раннего Средневековья, это направление исследования предполагает не только сотрудничество археологов и текстовых историков в интерпретации материалов раскопок и текстов, но и антропологическую трактовку пространств и центров власти [\[6\]](#); [\[7\]](#); [\[4\]](#). Данный ракурс историко-географической проблематики вписывается в социально-антропологическое направление в исследовании раннесредневековых элит, активно развивающееся с последнего десятилетия XX в. (определение раннесредневековых элит и методологические установки их исследования в последние десятилетия см. в частности: [\[5, с. 1079–1084\]](#)). Кроме того, необходимо сказать, что в рамках инициированной Режин Ле Жан исследовательской программы «Элиты раннего Средневековья» (2003–2009) прошло восемь конференций, по итогам которых были опубликованы сборники статей, один из которых непосредственно посвящен вопросам элитарной топографии [\[30\]](#).

Термин «элитарное пространство», или «элитарный локус» («*lieux élitaires*»), ввел археолог Люк Буржуа, руководитель исследовательской группы по изучению резиденций раннесредневековых элит, вместо ранее принятого «центральные места» и «места власти» («*zentralen Orte*», «*Orte der Herrschaft*») [\[8\]](#). (О различиях проблематики аристократических резиденций и резиденций элит в археологическом контексте см.: [\[9, с. 113\]](#)). Это было связано не только с возрождением интереса к археологии, но и с новой эпистемологической установкой – освободить исследование раннесредневековых элит от парадигм политической географии нового времени. В основе нового подхода лежит установка на анализ общества раннего Средневековья как сложного механизма, в

основе которого лежат идеалы и ценности, далекие от экономического интереса [\[2, с. 81–82\]](#).

Особый интерес исследователей вызывает каролингская эпоха [\[10, с. 145\]](#). Ее укрепления лишь с 1990-х гг. планомерно изучаются археологами (здесь в качестве исключения можно упомянуть программную работу Габриэля Фурнье, в которой два раздела посвящены истории каролингской фортификации: [\[18, с. 35 и гл. 2–3\]](#)), радикально меняя представление о ней как о периоде упадка между кризисом античной фортификации и сопровождающим феодальную революцию/трансформацию 1000 года процессом инкастельменто («озамкования») (о недавнем возобновлении интереса к дебатам 1990-х гг. вокруг феодальной революции/трансформации см в частности: [\[43\]](#); [\[17\]](#); [\[40\]](#)). В частности, осмысление результатов раскопок на территории Франции показало, что уже в 860–950 гг. можно говорить о кастрализации аристократических резиденций [\[10, с. 130\]](#).

В контексте этого вектора исследований представляется интересным рассмотреть владения Геральда Орильякского (ум. 909), святого-мирянина, житие которого за авторством Одона, аббата Ключийского (т.н. *Vita Prolixior Prima*), является программным источником по истории Оверни IX–X вв. и раннесредневековой Франции в целом (в топографической и географической перспективе см. в частности: [\[27\]](#); [\[35\]](#); [\[13\]](#)). К сожалению, мне недоступно новейшее, критическое, издание данного текста (*Odon de Cluny. Vita sancti Geraldii Auriliacensis: édition critique, traduction française, introduction et commentaires par A. M. Bultot-Verleysen. Brussels: Société des Bollandistes, 2009*), поэтому ниже он цитируется по публикации в Патрологии Миня, выполненной по изданию в «*Bibliotheca Cluniacensis*» Андре Дюшена (1614): [\[33\]](#) (далее — VG). При этом я стараюсь опираться на сведения в историографии о расхождении нового издания с предшествовавшими.

Совмещая детальные данные жития, написанного всего два десятилетия спустя после смерти святого (ок. 930) [\[23, с. 262\]](#), со скудными данными документальных источников, данная статья претендует не столько на последовательную реконструкцию расположения владений реального графа Геральда, сколько на анализ того географического ареала, который связывает с ним агиограф, бывший, как убедительно показала Изабель Розе, настоятелем не только Ключийского, но и Орильякского аббатства [\[36, с. 213–218\]](#), и использованная им традиция. Таким образом, речь идет одновременно об элитарной топографии и владений исторического графа Геральда, и овернского аббатства Орильяк во времена Одона.

В рассмотрении подобной проблематики, привлечение археологических данных особенно продуктивно для территории Оверни, поскольку сотрудничество археологов и текстовых историков имеет здесь богатые традиции. В этом огромная заслуга принадлежит Габриэлю Фурнье, который в своей фундаментальной монографии и серии статей рассматривал археологические данные о раннесредневековых поселениях в неразрывной связи с социальной и экономической историей региона [\[20\]](#) (см. также [\[19\]](#)). Эту линию исследований продолжил Брюно Фалип, диссертация которого по замковой архитектуре Оверни [\[34\]](#), помимо археологических и архитектурных аспектов темы, глубоко погружается и в социальную кастеллологию, или «монументальную социологию», как определял ее Габриэль Фурнье в упоминавшейся монографии по средневековым замкам [\[18\]](#).

Интерпретацию овернского археологического материала в исследованиях последних десятилетий характеризует новый виток в диалоге археологии и классической истории [\[31\]](#); [\[32\]](#). В том числе присутствует и вышеупомянутая ориентация на изучение раннесредневековых элитарных пространств. История элит, анализируемых в социально-антропологической перспективе, вписывается в географическое пространство, политическую и социальную топографию региона. Этот ракурс в исследованиях археологии Оверни прослеживается в статье Адриена Байара «Пространства элит в Оверни в раннее Средневековье: предварительные размышления» [\[2\]](#), проблематика которой отражает основную сферу его интересов — элитарные пространства, их материальные характеристики и роль в репрезентации власти на заре раннего Средневековья (см. также [\[3\]](#); [\[35\]](#)).

Геральд Орильякский предстает в житии как богатый землевладелец, облеченный судебной-правовой властью над определенной территорией. Ему принадлежат обширные имения, рассыпанные по южным районам Оверни и Лимузена, а также северной части Керси и всего Руэрга. Вопрос о правомочности претензий Геральда на статус графа в каролингской административной системе и сеньориальный или публично-правовой характер его полномочий по-разному интерпретировался в историографии. Исследователи высказывают мнения о происхождении Геральда Орильякского из графской фамилии, уподоблению его графу как публичному лицу в качестве королевского вассала или же узурпации графского титула и частному характеру его власти (аргументацию в пользу различных трактовок см.: [\[38, с. 10\]](#); [\[21, с. 343\]](#); [\[29, с. 171–172\]](#); [\[34, с. 28\]](#). При этом он не только почтительно именуется графом в одоновском житии (VG. I. 27. Col. 658; I. 32 Col. 661; II. 17. Col. 680), но и фигурирует как «*dilectus comes*» [\[42, с. 652\]](#) в иммунитетной грамоте Карла Простоватого Орильякскому монастырю (899 г.), что говорит, по крайней мере, о признании за ним этого статуса королевской властью.

В недавних исследованиях на тему авторы подчеркивают дробность сеньориальных владений Геральда, видя в этом отражение реорганизации местной элиты и дискретности территорий в противовес территориальному континуитету предшествующей эпохи (до сер. IX в.). Однако, если Себастьян Фрей четко разводит частные владения Геральда и его графские полномочия на территории традиционного пага [\[23, с. 656–657\]](#), то Пьер-Эрик Побль не столь однозначен. Он пишет, что власть графов в исторических комитатах отныне саботируется частными сеньорами, которые берут на себя их функции в своих разрозненных владениях – формирующихся сеньориальных пагах. Поэтому, с его точки зрения, эффективно свои публично-правовые функции графа Геральд мог осуществлять лишь в собственных землях, где это не вело к столкновениям с чужими интересами [\[35, с. 74–75\]](#).

Кроме того, Себастьян Фрей планомерно исследовал вопрос о территории комитата Геральда. Он не видит оснований считать того собственно Орильякским графом, поскольку данная титулатура закрепляется за святым лишь в поздних рукописях одоновского жития. При этом четко прописанное в тексте исполнение Геральдом публично-правовых функций над определенной территорией убеждает исследователя, что он стоял во главе одного из традиционных каролингских комитатов. Фрей достаточно убедительно выстраивает цепочку доказательств, что Геральд мог быть графом Керси [\[23, с. 639–665\]](#). Орильяк в этом случае превращается в центр наследственных владений Геральда, полученных им от родителей (VG. I. 6. Col. 645; II. 34. Col. 689), личную резиденцию графа, но при этом центром комитата как судебной-административной

провинции в его власти остается Кагор.

Среди упоминаемых в *Vita Prolixior Prima* географических объектов и пространств большинство находится за пределами Керси (*pagus Caturcinus*). Связь властных полномочий Геральда с территорией пага Керси, хотя и прослеживается в житии, но, скорее, может быть реконструирована по косвенным признакам, чем заявляется прямо: совет именно Кагорского епископа Гаузберта не уходить от мира ради блага жителей провинции; обозначение границ пага Геральда с Тулузским комитатом; перемещения и взаимоотношения с соседями (VG. II. 2. Col. 670; I, 18. Col. 654; II. 28–29. Col. 856–86). Туманность и некая непоследовательность текста Одона в вопросе о территории комитата Геральда не опровергает красиво выстроенную гипотезу Фрея, но заставляет задуматься о причинах умолчания агиографа. Здесь можно вслед за Поблем видеть следствие кризиса традиционной системы комитатов и падение их значимости для статуса и престижа облеченного соответствующими полномочиями лица. Или принять более тонкое и психологическое объяснение того же Фрея, по мнению которого, Одон умышленно не акцентирует (хотя и не скрывает) принадлежность Геральда к кругу высшей аристократии региона, чтобы предложенная им модель святости в миру была более универсальной и имела более широкий резонанс среди светской знати [23, с. 666–668]. Графское достоинство Геральда получается слишком статусным и престижным, чтобы полноценно отразиться в житии.

Так или иначе, позиция Одона накладывает отпечаток на проекцию элитарных пространств в житии. Основным местом действия биографии Геральда становятся частные владения святого. Именно этот ареал символически значим в местной и семейной аристократической памяти: Геральд наследует их от родителей, в отличие от графских полномочий, переданных ему королем в обход сыновей предыдущего графа Керси [23, с. 1028, 1116, 1133–1136]. Впоследствии, по завещанию святого, племянник получает в пожизненное владение его земли, но не графство. Наконец, именно из частных земель Геральд осуществляет дарения в адрес основанной им Орильякской обители [41, с. 272–274] (*cedo ad locum... vocatur Aurilacus monasterium, Reynaldus teneat dum vivit: post obitum illius ad Aureliacum remaneat*). И, помимо предшествующей, «аристократической», традиции биографии Геральда в свидетельствах современников, особое значение в географии одоновского жития имеет как раз связь упоминаемых территорий с Орильякским монастырем, его сакральной и потестарной географией. Публичные функции Геральда прослеживаются лишь в отдельных деталях биографии, тогда как на первый план выходит образ монаха в миру и конструируемое вокруг него сакральное пространство с сетью церквей, капелл, паломничеств и реликвий. Агиограф выстраивает элитарное пространство Геральда вокруг Орильяка как центра его наследственных земель, а впоследствии и распространения его культа. Изображение Кагора как центра комитата Геральда нарушает единство этой концепции элитарного пространства – и это, в свою очередь, также способствует попаданию сети элитарных локусов Геральда в Керси в зону умолчания Одона.

В тексте *Vita Prolixior Prima* Орильяк фигурирует как резиденция святого графа. Одон называет его «крепостью или поместьем» (VG. I. 1. Col. 642: *Oppido vel villa Aureliaco*. Также Орильяк именуется в тексте *castrum* и *castellum*: Ibid. I. 36. Col. 664; I. 39. Col. 665–666). Колебания агиографа вполне обоснованы, поскольку Орильяк, судя по описаниям и археологическим данным, формируется как двухполюсное поселение [21, с. 350] (о значении термина *curtis* для Оверни IX–X вв. см.: [20, с. 218–223]; ср. распространившуюся в то же время на побережье как тип укрепленного поселения с

использованием для укреплений естественного рельефа и насыпей villa cum turre: [\[9, с. 134\]](#)). В низине, в долине реки Жордан, располагается сначала поместье (curtis) — центр сельскохозяйственной эксплуатации окрестных земель, а после — монастырь [\[41, с. 272\]](#) (locum..., quod vocatur Aurilacus monasterium,... et medietatem de ipsa curte, et ipsum castellum...), основанный Геральдом. Над ним нависает находящийся на скале укрепленный замок (VG I. 38. Col. 665: Oppidum nihilominus quod monasterio superimminet; VG. II. 5. Col. 674: ...Oppido quod eidem loco imminet; VG. III. 1. Col. 689–690: In oppido esset, quod Aureliaco imminet...). В то же время для Одона, как и для многих его современников, различие между villa и oppidum было не столь непреодолимым, как это может показаться. Ведь существует немало примеров, когда оба термина с одинаковым успехом применялись к одному и тому же поселению (как правило, городу) [\[1, с. 248–249\]](#). В XVIII в. поблизости от аббатства Орильяк были обнаружены остатки галло-римского кладбища, а при раскопках 1977–1983 гг. остатки античного храмового комплекса, что говорит о возможном континуитете поселения с античных времен, но данных для окончательных умозаключений и сейчас остается недостаточно [\[15, с. 2\]](#); [\[31, с. 486–487\]](#).

Обобщая археологические данные изысканий нач. XXI в., Люк Буржуа отмечает, что в позднекаролингскую эпоху на территории Франции происходит слияние в единую архитектурную программу жилых пространств резиденций элит и фортификационных сооружений [\[10, с. 146\]](#). Двухполисный Орильяк оказывается характерным примером этих процессов. Археологические раскопки последних лет открывают новые детали относительно каролингской истории поселения. В 2013–2014 гг. в окрестностях церкви Сен-Жеро-д'Орильяк, бывшей базилики средневекового монастыря, проводились охранные археологические изыскания в связи со строительством новых жилых кварталов. Обнаружены остатки пока неидентифицированных построек IX–X вв. на месте монастыря и захоронения каролингского кладбища IX в., которое простиралось не менее чем на километр [\[14, с. 211\]](#); [\[15, с. 4–9\]](#).

Таким образом, замок графа располагается на стратегическом возвышении в окружении расположенных в низине построек поместья. Сельское поселение и кладбище образуют единый комплекс с резиденцией графа, непосредственно примыкая к естественному возвышению ландшафта на правом берегу реки Жордан, где, на месте последующего замка Сент-Этьенн, стояла каролингская крепостная резиденция. На месте замка археологи не находят остатков крепостных сооружений, предшествовавших XII в. Однако, сопоставляя данные текста Одона с ландшафтом и результатом раскопок вокруг замка, они приходят к выводу о совпадении места постройки позднейшего замка с месторасположением каролингского castrum [\[15, с. 11\]](#).

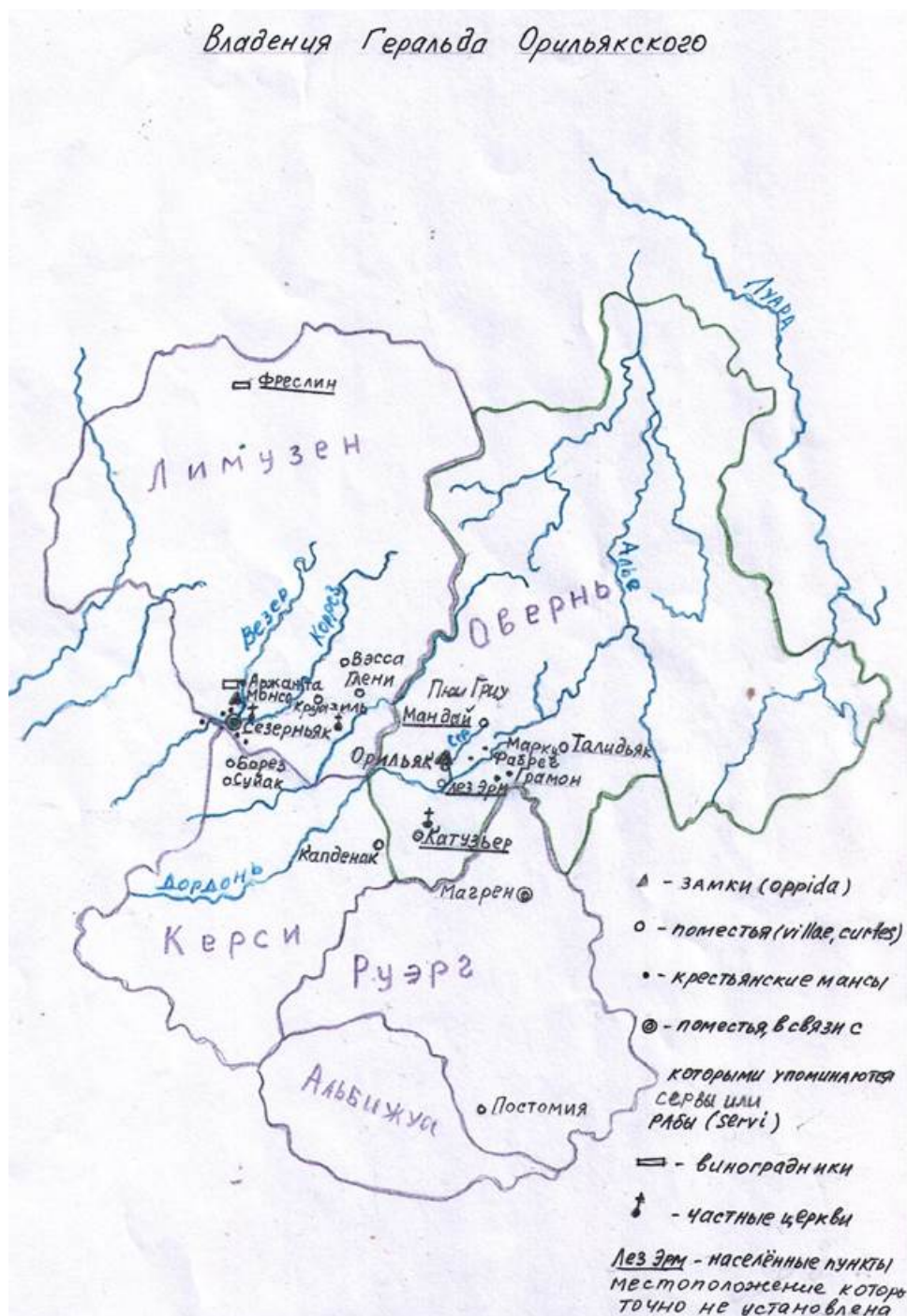
Из вышесказанного очевидно, что резиденция графа Геральда располагалась в окружении поселений и сельскохозяйственных угодий, зависящих от данного элитарного локуса и принадлежащих к сфере его влияния. Труды археологов показали, что резиденции элит в IX–X вв. не были изолированными укреплениями, но часто имели в своей орбите поселения зависимого населения [\[2, с. 88\]](#). Непосредственную округу Орильяка составляли домениальные земли, обрабатываемые лично зависимыми земледельцами (Овернь принадлежит к территориям, для которых статус servi как позднеантичных рабов или средневековых сервов в формулировках источников в раннее Средневековье достаточно туманен. В конце XX в. в ходе дискуссий о «феодальной революции» Доминик Бартельми поставил вопрос о необходимости дистанцироваться от архаичной терминологии источников, которая не всегда успевает за новыми

социальными реалиями. В то же время, несмотря на то, что многие исследователи склонны были согласиться с его трактовкой, спор о сервах и рабах так и не был завершен. В частности недавно Жозеп Салрак отметил высокую доказательную базу старой интерпретации данного явления (в частности в трудах Габриэля Фурнье) как пережитков античного рабства, а не пришедшего ему на смену средневекового серважа: [\[37, с. 81, 92\]](#), и ряд крестьянских усадеб с земельными угодьями [\[41, с. 272\]](#) (*Medietatem de ipsa curte, et ipsum castellum cum Baccalaria dominicata*). Г. Фурнье отмечает, что относящиеся к *curtis* домениальные земли были довольно обширны, но немногочисленны [\[20, с. 223\]](#). Термин *baccalaria* в значении пахотных земель и угодий фигурирует также в Соксиланжском картулярии, см.: *Sauxillanges*, 279, 280, 400, 803, 804. Определение «*dominicatus*» может служить для противопоставления аллодиальных земель сеньора его владениям, не являющимся наследственной собственностью, или — его домена крестьянским держаниям [\[20, с. 290–291\]](#). Крестьянские усадьбы, как можно заключить, опираясь на завещания Геральда, располагались на северо-восток от Орильяка (в локализации упоминаемых в житии топонимов я опираюсь на неопубликованные материалы лингвиста Жана-Пьера Шамбона, специалиста по окситанским диалектам и топонимике Оверни, который серьезно занимался этой темой с опорой на лингвистическую методологию [\[12\]](#)). На консультации с проф. Шамбоном в вопросах исторической топонимики и лингвистики Оверни неоднократно ссылается упоминавшийся выше Себастьян Фрей в своей диссертации). С достаточной долей уверенности можно говорить о четырех господских мансах, относящихся к Орильякскому поместью: два располагаются в Граммоне и по одному — в Фабреге и Марку [\[41, с. 272–273\]](#) (*et duos mansos in Grandemonte, et in Fabriciis manso ...Similiter Marconi manso*).

Среди известных имений и частных капелл Орильякского графа, в целом, число расположенных в Оверни не так велико. По словам Одона, святой Геральд мог передвигаться из имения Постомия (на юго-востоке Руэрга) до северных границ своих земель у подножия Пюи Гриу (Канталь), останавливаясь на ночь лишь в собственных капеллах (VG I. 41. Col. 667: *Nam cum allodus ejus esset Postomia, et deinceps latifundia ipsius ita sibi succedrunt, ut usque ad montem magnum Greonem, posse...semper in propriis mansitare capellis*). А это позволяет предположить, что его владения образуют своеобразный несплошной пояс, пересекающий территорию Верхней Оверни и Руэрга с севера на юг (Рис. 1). Исследования топонимов, связанных с житием святого Геральда, проведенные Жаном-Пьером Шамбоном с привлечением лингвистических методов, в частности, с учетом исторической фонетики, дают неожиданный результат. Большая часть упомянутых в источниках имений и частных церквей Геральда оказывается сосредоточена на юге Лимузена, в бассейне реки Дордони [\[12, с. 1–8, 21–23, 27\]](#). Там сконцентрировано сразу несколько его поместий: Круазиль, Глени, Сезерньяк, Куртжу, Вэсса, Орель, а также крепость Монсо (VG. II. 13. Col. 677: *Villa... Crucicula*, [\[42, с. 652\]](#): *Glinico, Tirtiniaco cum ecclesia sancti Cirici* (Ср.: VG. III. 5. Col. 692: *Apud Cezerviacum... ecclesia in honorem sancti Cirici*); [\[41, с. 272\]](#): *Curtogillo*; [\[39, с. 172\]](#): *Curtem nomine Aureliaco*; VG. IV. 10. Col. 701: *Oppidum quod rustici Mulsedonum dicunt... villa Vaxia*. Локализация данных усадеб: [\[12, с. 1–8, 21–23\]](#). Эта связь наследственных владений Геральда с Лимузеном косвенно подтверждается критическим изданием *Vita Prolixior Prima*, в котором появляется важное уточнение: земли, подвластные Орильяку, находятся на территории не только Оверни, Керси и Альбижуа, но и Лимузена (*atque Lemouicensi pago*) [\[23, с. 655\]](#). Последний из-за ошибки в ранее опубликованной рукописи не упоминается в публикации текста Андре Дюшеном в XVII в., но присутствует в

критическом издании, где это прочтение опирается на целый ряд списков жития.

Рис. 1. Карта владений Геральда Орильякского

По словам Одона, Геральд получил эти земли от родителей «по праву наследования» (VG. I. 1. Col. 643: *Jure successionis*, VG. I. 6. Col. 645: *haereditario jure*). Однако среди земель Геральда есть и те, которые он получил в бенефиций от короля (VG. II. 34. Col. 689: *Quae a parentibus vel regibus ei collata sunt*). Когда говорится обо всех землях Геральда вообще, расположенных в них церквях, лично свободных крестьянах-держателях, их обрабатывающих, речи о собственности не идет, а используется более мягкая и расплывчатая формулировка: «Находится в его власти» (VG. I. 7. Col. 646: *Quidquid illius juris esset*; VG. I, 19. Col. 654: *Sui juris ecclesiam*; VG. I. 24. Col. 656: *Ipsos [ruricolae] erant ejus juris*; VG. I. 37. Col. 665A: *quae erant juris illius devastarent*; VG. III. 5. Col. 692: *Sui juris ecclesiam*). Определить соотношение унаследованных от родителей и пожалованных королем земель не представляется возможным. Одон

недвусмысленно говорит о богатстве рода Геральда и многочисленности унаследованных им имений с сервами (VG. I. 1. Col. 642–643: *Sane quantum locupletes iidem fuerint vel praedia mancipiis referta testantur*). Он также подчеркивает, что Геральд не стремился купить или силой приобрести новые земли (VG. I. 28. Col. 658–659; II. 1. Col. 670). Лишь однажды он вынужден приобрести клочок земли, поскольку тот был зажат между территориями его владений (VG. I. 28. Col. 659: *Sed neque ipse praedium aliquando comparavit, praeter unum agellum, qui suae cuidam possessioni forte insitus erat*). Возможно, речь здесь идет о мансе в Марку, который орильякский граф, согласно завещанию, купил у некоего Адоальда [\[41, с. 273\]](#) (*Marconi manso, quem de Adoaldo emi*).

Управление своими обширными поместьями Геральд доверяет вилликам, непосредственно ему подчиняющимся. От этих управляющих, если верить Одону, ему удастся добиться абсолютной честности (VG. I. 28. Col. 658–659: *Nunquam tamen auditum est, quod villici ejus aliquid accommodassent*). Однако из слов все того же автора можно предположить, что часть земель он раздает в качестве бенефициев – вероятно, своим вассалам. При этом временное прекарное пожалование, которое практикуют его соседи, в его землях, как кажется, имеет тенденцию к превращению в пожизненное владение (VG. II. 14. Col. 678: *In dando autem aliquid, multum erat morosus. At postquam semel dedisset, non auferebat*). Свое самое северное имение Талидьяк Геральд вынужден отдать в коммendu некому «могущественному лицу» (VG. I. 41. Col. 667: *Tamen non indigebat ut aliquam villam cuilibet potenti ad custodiendum commendasset, nisi unum solum praediolum quod dicitur Taladiciacus*). Поскольку имя этого человека Бернард (VG. I. 41. Col. 667: *Cuidam Bernardo ad custodiendum commendaret*), существует вероятность, что речь идет об Овернском графе, отце Гильома Благочестивого, хотя Одон прямо об этом не говорит (VG. I. 34. Col. 661: *Pater suus Bernardus ipsum [Wilelmum] adhuc adolescentem eidem domno Geraldo amoris causa commendacit*). Любопытно, что в данном случае тот же глагол *commendare* обозначает не передачу земли, а, как следует из контекста, отдачу на воспитание юноши). Но, скорее, в нем следует видеть лишь представителя одной из местных знатных семей, среди которых имя, носимое поочередно двумя овернскими графами, стало популярным (особенно распространено имя Бернар было именно на юго-западе Оверни, в непосредственной близости от владений Геральда, в частности, у виконтов Карла. См.: [\[28, с. 203\]](#)). Геральд совершает этот исключительный шаг из-за изолированного положения этого «именьица», окруженного владениями «враждебных соседей» (VG. I. 41. Col. 667B: *Erat enim semotim inter pessimos vicinos longe a caeteris disparatum*). Судя по расположению имения, недоброжелательными соседями могли быть представители аристократических фамилий Нонетт и Карла. См.: [\[28, с. 355\]](#).

Фортификационные функции укрепления и социально-экономические функции поместья как центра управления хозяйственной жизнью земель в этом новом типе аристократических элитарных локусов сочетались с сакральной функцией. Именно религиозная топография (о топографии Орильякского монастыря в IX–XII вв. см.: [\[24, с. 3–12\]](#)) и символика элитарного локуса являлась определяющей для престижа связанных с ним семьи или сообщества. Она была не только формальным показателем статуса и могущества, но и источником самоидентификации и традиции поминовения умерших. Еще отец графа Геральда, также Геральд, строит под стенами крепости в Орильяке церковь св. Климента (ок. 850), а сам святой основывает здесь монастырь (ок. 895) [\[14, с. 210\]](#). Данные археологических раскопок, по словам Николя Клемана, позволяют предположить, что каролингское кладбище после строительства первой церкви Климента в сер. IX в. начинает распространяться в ее направлении, превращаясь в захоронение

вокруг храма, т.е. в кладбище *ad sanctos* [15, с. 8]. Согласно тексту Одона, изначальное здание базилики Сен-Пьер (*in honore beati Petri ecclesiam*), возводимой Геральдом, обрушивается при строительстве; именно тогда он переносит ее в защищенное и символически значимое место – в непосредственной близости от старой церкви отца под сенью крепости. (Точная локализация новой церкви отсутствует в старых изданиях одоновского текста и реконструируется Анн-Мари Бюльто-Верлейзен на основе Дижонской рукописи *Vita Prolixior Prima* (Dijon Ms. 606): *Est autem sita e regione illius ecclesie quam pater eius dudum sancti Clementis construxerat*. Текст цитируется по: [13, с. 36]. Ср.: VG. II. 4–5. Col. 673–674.) Вокруг двух базилик и образуется монастырский комплекс основанной Геральдом обители, которая в королевском дипломе именуется аббатством св. Петра и Климента [42, с. 652] (*Monasterium in honorem Apostolorum Principis, et beati Clementis fundatum*), что подтверждает информацию о посвящении церквей в житии.

Топография Орильяка — показательный пример связи монастыря с инициативой светской элиты и пространством ее элитарного локуса. Если меровингская эпоха была для Оверни эпохой епархиальной инициативы в основании монастырей и их расположения в городской среде, то каролингская стала временем аристократических обителей, располагающихся в сельской округе, нередко по соседству с резиденциями элит [32, с. 14]. Такое строительство монастыря в пространстве поместья близ крепости является устоявшейся практикой. Монастырь в элитарном ареале аристократической резиденции не только сообщал властному центру религиозные функции, но и выступал в роли сердца в сакральной географии территории, тем самым своим покровительством освящая права светского сеньора. По каролингской традиции и в рамках каролингской церковной администрации, аристократ-основатель нередко выступал в роли светского аббата монастыря, который в свою очередь далее развивался под защитой и патронажем его рода. Связь замка с монастырем отражала и тенденцию на фортификацию монастырей в силу милитаризации раннесредневековых элит. Монастыри, развивавшиеся вдали от локусов власти светских элит также обрастали укреплениями и имели гарнизоны воинов-мирян [10, с. 140].

Ту же роль создания сакрального ореола для Орильяка как элитарного локуса играет и собирание Геральдом реликвий (VG. III. 3. Col. 691, III. 8. Col. 700: *Multos sanctorum reliquias ad Aureliacum advexit*). Это не только акт личного благочестия, но и инструмент для укрепления престижа новооснованного монастыря, в базилике которого они будут храниться (VG. III. 3. Col. 691: *In altaribus vero tanta pignora sanctorum insita sunt, ut scientibus mirum sit*). Эта драгоценность святынь не только в сакральном, но и в социальном измерении неоднократно отмечалась исследователями, затрагивавшими темы статуса и богатства в мире раннесредневековых элит: см., в частности: [11]; [16].

Однако в одоновском житии Геральда основание святым монастыря вписывает Орильяк в сеть сакральной географии много шире его локального контекста. Согласно Одону, граф начинает строить монастырь после паломничества в Рим (VG. II. 4. Col. 672–673). Он совершает паломничества и к особо почитаемым французским святыням – в Лимож и Тур (VG. II. 22. Col. 682–683). Связь новой обители с Престолом Св. Петра неоднократно упоминается в тексте, как и регулярные паломничества в Рим самого Геральда (VG I. 27, 29–31. Col. 658–660; II. 2–4. Col. 670–673; 17–25. Col. 680–684). Из слов агиографа можно вывести прямое подчинение нового аббатства Риму (VG. II. 4. Col. 672–673: *Romam profectus est, et Aureliacum insigne praedium beato Petro apostolorum principi, facto solemniter testamento, delegavit, cum tantis videlicet appenditiis, quae monachis,*

quos ibidem congregare disposuerat, ad omne stipendium sufficere possent ... Censum quoque delegavit, qui ad urnam beati Petri annuatim redderetur), что напрямую противоречит документальным данным – неоднократно упоминавшаяся иммунитетная грамота Карла Простоватого свидетельствует, что правовой статус и престиж обители при ее основателе определялся не связью с Римом, а покровительством каролингской династии.

Геральд как королевский вассал и, вероятно, должностное лицо комитата выступает агентом светского аристократического патронажа религиозного института. Одон в качестве Орильякского аббата конструирует историю основания монастыря как подчиненного напрямую Риму, чтобы освободить его от власти местной светской элиты — наследников святого графа [36, с. 215-217]; [26, с. 41-44]. Поэтому Геральд как зеркало аристократической святости в одоновском житии не только ведет жизнь монаха в миру (особенно показательно: VG. II.2-4. Col. 670-673), но и словно предвосхищает ориентацию на Рим реформированного монашества. При этом некий след римской традиции ощутим в сакральной топографии Орильяка еще при историческом Геральде: неслучайно многие чудеса святого, пересказанные агиографом со слов очевидцев, происходили на пути в Рим. Первая церковь Орильяка была освящена в честь св. Климента, папы римского. Базилика самого графа Геральда добавляет к этому посвящению еще более красноречивую отсылку к Риму в лице св. Петра. Именно близ придела св. Петра будет похоронен впоследствии сам святой (VG. III. 11. Col. 697: *Ad sinistram scilicet basilicae ipsius collacoverunt, juxta aram sancti Petri...*). Таким образом, сакральная топография Орильяка не так явно двойится на аристократическую и монашескую, как можно было бы ожидать. Различия очевидны на уровне вопроса о подчинении монастыря, но не на уровне организации и символики его пространства.

Сакральная география в одоновском житии не ограничивается монастырем элитарного локуса и итинерариями итальянских паломничеств святого. Текст пестрит упоминаниями частных капелл и церквей Геральда, равномерно разбросанных по его владениям. Святой граф посещает в них праздничные богослужения, находит своего рода пустынь, «заповеднейшие места» (*secretiora loca*), для благочестивого уединения (VG. II. 26, 27, 32. Col. 685, 687-688) и ночует в пути (VG. I. 41. Col. 667: *Semper in propriis mansitare capellis*). Это позволяет говорить о сети культовых построек на территории владений Геральда в контексте иерархии пространства (монастырь со множеством реликвий — маленькие капеллы и церкви поселений), центра и периферии (Орильяк — отдаленные уголки владений графа), перемещения и дистанций (именно по частным капеллам святой рассчитывает день в пути). Как и церкви, основанные графом и его отцом в Орильяке, они показывают важность сакрализации пространства в демонстрации статуса местных элит. На первый план в житии выступает не светская сеть земельных владений, поселений и фортификаций, но религиозное измерение элитарного пространства: личное благочестие графа, приоритетность для него религиозных центров в пространстве частных земель, складывание сакральной топографии и географии территории, предвосхищающей ареал последующего распространения культа святого.

Таким образом, в центр внимания *Vita Prolixior Prima* попали владения Геральда, которые сохранились в коллективной памяти благодаря связи с узловыми событиями в биографии протагониста или его чудесами. Одон составляет житие почти современника с использованием живой местной традиции и с педантичным вниманием к конкретным деталям. Как результат, текст отражает примечательное знание мелких топонимов, внимание к их правовому и административному статусу в составе территории под управлением или во владении Геральда. При этом Одон перетолковывает историю

основания монастыря и сам образ святого. На фигуру знатного мирянина наслаиваются черты монашеского благочестия, а аристократический монастырь под покровительством короля превращается в обитель, изначально зависящую напрямую от Рима. В результате, *Vita Prolixior Prima* совмещает две элитарные перспективы в восприятии пространства: светской аристократии (графа Геральда) и монашеской Реформы (аббата Одона), которые особенно причудливо переплетаются в сакральной географии текста. Замок Геральда в Орильяке, единственный прописанный в тексте элитарный локус святого графа, предстает укрепленной резиденцией аристократа, экономическим центром поместья и сеньориальных владений и, благодаря основанию монастыря и сосредоточению там реликвий, сердцем религиозной жизни территории. Отдельные географические локации, являющиеся важными элитарными пространствами в системе организации власти Геральда, попадают в зону умолчания в силу повествовательных задач и идейных установок текста.

Библиография

1. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М.: Скрипторий, 2000. 799 с.
2. Bayard A. Les lieux élitaires du premier Moyen Âge en Auvergne // Fortifications et résidences des élites du haut Moyen Âge entre Loire et Garonne, Rapport de P.C.R.. / Ed. L. Bourgeois. Poitiers, 2010. P. 81–102.
3. Bayard A. Prendre villes et places fortes, les ramener en son pouvoir selon le droit de guerre // La violence durant les campagnes d'Aquitaine (760-768) // Hypothèses. 2013. №. 1. P. 301–313.
4. Bayard A. Réseaux et lieux de pouvoir au très haut Moyen Âge. Les lettres face à l'archéologie // Le Moyen Âge. 2020. T. 126. №. 2. P. 231–242.
5. Bougard F., Bühner-Thierry G., Le Jan R. Les élites du haut Moyen Âge. Identités, stratégies, mobilité // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2013/4. 68. P. 1079–1112.
6. Bourgeois L., Boyer J.-F. Les palais carolingiens d'Aquitaine: genèse, implantation et destin // Demeurer, défendre et paraître: orientation récente de l'archéologie des fortifications et de résidence aristocratique médiévale entre Loire et Pyrénées. Actes du colloque de Chauvigny / Ed. L. Bourgeois, C. Remy. 2012. P. 67–118.
7. Bourgeois L. Castrum et habitat des élites (France et ses abords, vers 880-vers 1000) // Cluny, le monachisme et l'émergence d'une société seigneuriale / Ed. D. Iogna-Prat et Chr. Sapin. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. P. 463–487.
8. Bourgeois L. et al. Fortifications et résidences des élites du haut Moyen Âge entre Loire et Garonne // Aquitania. 2010. T. 26. №. 1. P. 219–223.
9. Bourgeois L. Les résidences des élites et les fortifications du haut Moyen Âge en France et en Belgique dans leur cadre européen: aperçu historiographique (1955-2005) // Cahiers de civilisation médiévale. 2006. T. 49. №. 194. P. 113–141.
10. Bourgeois L. Recent Archaeological Research on Fortifications in France, Belgium and Switzerland, 750–1000 // Early Medieval Militarisation / Ed. E. Benett et al. Manchester: Manchester University Press, 2021. P. 130–151.
11. Bozóky E. La politique des reliques des premiers comtes de Flandre (fin du IXe-fin du XIe siècle) // Les reliques. Objets, cultes, symboles / Ed. E. Bozóky. Turnhout: Brepols, 1999. P. 271–292.
12. Chambon J.-P. Quelques toponymes liés à Saint-Géraud d'Aurillac: point de vue linguistique et enseignements historiques. 46 p. [Рукопись статьи]
13. Charbonnel N. À propos de Saint-Geraud d'Aurillac et de son rayonnement // Studia Prawno-Ekonomiczne. 2010. №. 82. P. 33–52.
14. Clément N. Aurillac (Cantal). Îlot Saint-Géraud // Archéologie médiévale. 2016. №. 46.

P. 210–211.

15. *Clément N.* Un riche contexte d'implantation pour l'abbaye Saint-Géraud d'Aurillac (Cantal): l'apport de l'archéologie préventive // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre| BUCEMA. – 2016. – №. Hors-série n° 10. 2016. Mis en ligne le 09 décembre 2016 [Электронное издание]. URL: <http://cem.revues.org/14497>. Дата обращения: 04.04.2024.

16. *Feller L.* Introduction. Formes et fonctions de la richesse des élites au haut Moyen Âge // Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge / Ed. Devroey J. P., Feller L., Le Jan R. Turnhout: Brepols, 2010. P. 5–30.

17. *Fouracre P.* Feudal Revolution?: Transformations around the Year 1000 // Debating Medieval Europe / Ed. S. Mossman. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 125–149.

18. *Fournier G.* Le château dans la France médiévale. Essai de sociologie monumentale. Paris: Aubier-Montaigne, 1978. 397 p.

19. *Fournier G.* L'esclavage en Basse Auvergne aux époques mérovingienne et carolingienne // Cahiers d'histoire. 1961. P. 361–375.

20. *Fournier G.* Le peuplement rural en Basse Auvergne durant le Haut Moyen Âge. Paris: PUF, 1962.

21. *Fournier G.* Saint Géraud et son temps // Revue de la Haute-Auvergne. 1972. T. 43. P. 342–352.

22. *Fouracre P.* Feudal Revolution?: Transformations around the Year 1000 // Debating Medieval Europe / Ed. S. Mossman. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 125–149.

23. *Fray S.* L'Aristocratie laïque au miroir des récits hagiographiques des pays d'Olt et de Dordogne (xe –xie siècles). Thèse de doctorat. Université Paris–Sorbonne, 2011. 1368 p. [Электронное издание]. URL: <https://theses.hal.science/tel-00853564/document>. Дата обращения 10.10.2023.

24. *Fray S.* La topographie du monastère Saint-Géraud d'Aurillac: apports et limites des sources écrites du XIIe siècle // Revue de la Haute-Auvergne. 2016. T. 78. №. 3. P. 3–12.

25. *Fray S.* Le testament de Géraud dit d'Aurillac. Édition et commentaire// Le Moyen Age. 2016. T. 122. №. 2. P. 261–274.

26. *Fray S.* Le véritable fondateur de Saint-Géraud d'Aurillac: Géraud ou Odon?// Revue de la Haute-Auvergne. 2010. T. 72. P. 23–46.

27. *Juillet J.* Les domaines du comte Géraud d'Aurillac au pays des quatre rivières // Revue de la haute Auvergne. 43/2. 1973. P. 353–376.

28. *Lauranson-Rosaz C.* L'Auvergne et ses marges (Velay, Gévaudan) du VIIIe au XIe siècle: la fin du monde antique? Le Puy-en-Velay: Les Cahiers de la Haute-Loire, 1987. 494 p.

29. *Lauranson-Rosaz C.* La Vie de Géraud d'Aurillac, vecteur d'une certaine conscience aristocratique dans le Midi de la Gaule // Guerriers et moines: Conversion et sainteté aristocratiques dans l'Occident médiéval (IXe–XIIe siècle). P. 157–181.

30. Les élites et leurs espaces. Mobilité, rayonnement, domination (du VIe au XIe siècle) / Ed. P. Depreux, F. Bougard, R. Le Jan. Turnhout: Brepols, 2007. 424 p.

31. *Martínez D.* De la cité Arverne au diocèse de Clermont : Topographie ecclésiale, fortifications et peuplements de l'Auvergne entre Antiquité tardive et haut Moyen Âge (Ve–Xe siècles) : une approche archéologique.. Histoire. Université Clermont Auvergne [2017–2020], 2017. 602 p.

32. *Martínez D.* Les premiers monastères d'Auvergne à la lumière de la documentation textuelle et archéologique (Ve–Xe siècle): état de la question // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre| BUCEMA. 2016. №. Hors-série n° 10. [Электронное издание]. URL: <http://cem.revues.org/14484>. Дата обращения: 01.04.2024.

33. Odo Cluniacensis. Vita S. Geraldi // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. J. P. Migne. Paris: Apud Garnier Fratres, 1853. T. 133. Col. 639–710.
34. *Phalip B.* Seigneurs et bâtisseurs. Le château et l'habitat seigneurial en Haute-Auvergne et Brivadois entre le XIe et le XVe siècle. Clermont-Ferrand, Publ. Inst. d'Et. du Massif Central, 1993. 264 p.
35. *Poble P. E.* Les structures territoriales en Auvergne méridionale au temps de Géraud d'Aurillac // *Revue de la Haute-Auvergne*. 2010. T. 72. №. 1. P. 47–70.
36. *Rosé I.* Construire une société seigneuriale. Itinéraire et ecclésiologie de l'abbé Odon de Cluny (fin du IXe-milieu du Xe siècle). Brepols: Turnhout, 2008. 732 p.
37. *Salrach J. M.* Late Antiquity and Early Middle Ages: The Crisis Before the Crisis or, Again, the Transition from the Ancient System to Feudalism // *Crises and Transformation in the Mediterranean World: Lessons from Catalonia*. Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 63–107.
38. *Schneider J.* La société dans l'Aquitaine carolingienne d'après la Vita Geraldi Auriliacensis // *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1973. T. 117. №. 1. P. 8–19.
39. Sancti Stephani Lemovicensis cartularium / Ed. J. de Font-Réaulx // *Bulletin de la Société archéologique et historique du Limousin*. T. 69. 1922. P. 5–258.
40. *Tabarrini L.* The 'Feudal Revolution' After All? A Discussion on Four Recent Books // *Storicamente*. 2020. T. 15. [Электронное издание]. <https://storicamente.org/in/tabarrini-the-feudal-revolution>. Дата обращения: 01.09.2023.
41. Testament de Géraud s.l., septembre 909 // *Le Moyen Age*. 2016. T. 122. №. 2. P. 271–274.
42. *Vigier G.* (Dominique de Jésus) Histoire paraenétique des trois saints protecteurs du Haut Auvergne. Avec quelques remarques sur l'histoire ecclésiastique de la province. Paris: Sonnius, 1635.
43. *West C.* Reframing the Feudal Revolution: Political and Social Transformation between Marne and Moselle, c. 800–c. 1100. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже много десятилетий ведутся споры среди философов, культурологов, историков о том, что представляет собой Средневековье. Представляясь одним как Темное Средневековье, другим как времена рыцарства и прекрасных дам, эпоха после падения Рима является невероятно спорной, но в тоже время представляющая интерес для специалистов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются элитарные пространства в каролингской Оверни (сер. IX–сер. X вв.). Автор ставит своими задачами раскрыть дефиницию "элитарное пространство", проанализировать элитарную топографию и владения исторического графа Геральда, и овернского аббатства Орильяк во времена Одона.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать владения Геральда Орильякского согласно написанному о нем житию. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует

отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на французском языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором источников укажем прежде всего на сочинение Одона де Ключийского. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Р. де Жан, Г. Фурнье, Ж.П. Шамбона и др., в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения раннесредневековой Франции. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи, читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей средних веков, в целом, так и элитарными пространствами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что топография элитарных пространств "предполагает не только сотрудничество археологов и текстовых историков в интерпретации материалов раскопок и текстов, но и антропологическую трактовку пространств и центров власти". В работе показано, что "резиденция графа Геральда располагалась в окружении поселений и сельскохозяйственных угодий, зависимых от данного элитарного локуса и принадлежащих к сфере его влияния". Рассматривая сочинение Одона, автор обращает внимание на то, что "на первый план в житии выступает не светская сеть земельных владений, поселений и фортификаций, но религиозное измерение элитарного пространства: личное благочестие графа, приоритетность для него религиозных центров в пространстве частных земель, складывание сакральной топографии и географии территории, предвосхищающей ареал последующего распространения культа святого".

Главным выводом статьи является то, что

"Замок Геральда в Орильяке, единственный прописанный в тексте элитарный локус святого графа, предстает укрепленной резиденцией аристократа, экономическим центром поместья и сеньориальных владений и, благодаря основанию монастыря и сосредоточению там реликвий, сердцем религиозной жизни территории".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена рисунком, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".